

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ БОЖЬЕЙ ФИЛАНТРОПИИ И ХРИСТИАНСКОЙ КОЙНОНИИ В ТРАКТАТЕ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО *QUIS DIVES SALVETUR**

Среди многих городов, которые основал Александр Македонский в III веке до н.э., город Александрия приобрел незаурядную славу. За три столетия город вырос с военного блокпоста в миллионный мегаполис с быстрым инфраструктурным развитием, аккумуляцией громадных богатств и экономической стабильностью. Именно в Александрии произошел высший расцвет науки и литературы. [4, 19–48] Почти с самого начала существования города здесь были учреждены образовательные и философские школы, которые дали начало новому явлению в культуре античности — синкретизму как смешению западных и восточных философских школ, среди которых неоплатонизм, стоицизм, пифагорейство, скептицизм, гностицизм и другие. Эти философские школы позже непосредственно повлияли на развитие христианской догматики и нравоучения. [5, 68]

Неслучайно именно в этом городе выдающиеся раннехристианские богословы сформулировали и попытались дать ответы на самые сложные вопросы существования человека. Один их таких вопросов был: «Каково отношение христианства к богатству?» Многие христиане в то время были склонны считать, что богатство — это зло, и человек, обладающий богатством, обречен на гибель, ибо Царство Небесное для него закрыто. Ссылались такие люди на слова из Евангелия: «*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут*» (Мф. 6:19), или «*Продавайте имущества ваши и давайте милостыню*» (Лк. 12:33, ср. Лк. 18:22). Но в Евангелии также сказано о спасении Закхея, который был достаточно богат (Лк. 19:9). Христос также призывал заботиться о ближних, творить дела милосердия (Мф. 25:32–45; Лк. 6:30). Не имея никаких материальных благ, невозможно выполнить это наставление.

Одним из первых комментаторов Писания и, в частности, текстов, касающихся богатства и бедности, является Климент Александрийский, живший во времена, значительно отличающиеся от нашего времени, однако взгляды которого до сих пор остаются актуальными. Произведение, в котором он описывает свое отношение к богатству, он так и назвал «Кто из богатых может спастись». [3, 159–191; далее *QDS* с указ. номера главы.]

В этом произведении Климент говорит, что спастись богатому человеку труднее, чем бедному, и на это есть ряд причин. Во-первых, он отмечает непонимание слов Христа, Который сказал, что «*удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие*» (Лк. 18:25). Услышав эти слова, некоторые люди могут уйти с огорчением, забывая о второй части слов

---

* Доклад на подобную тему состоялся в контексте Международной научно-практической конференции под названием «Социальное учение Церкви и современность», проходившей 12–13 мая 2011 г. в Орловском государственном университете в рамках IX образовательных чтений, посвященных памяти свт. Феофана Вышенского Затворника.

Христа: «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18:27). Другие понимают слова Христа, но озабочены земными делами и не творят дел, ведущих к Небесному Царству. Третьи вообще не знают слов Христа. Климент стремился помочь тем богатым, которые любят истину и ищут ее. Он также стремился «ободрить и безосновательное уныние относительно их разогнать и посредством соответственного объяснения изречения Господа им показать, что наследие Небесного Царства для богатых не вполне отрезано, если они заповедям следуют» (QDS 3 [здесь и далее, если не оговорено, перев. А. Ю. Братухина]).

Однако достижение вечной жизни не является простой задачей, а требует многих усилий и постоянной практики:

Необходима для достижения ее и постоянная, равномерно, даже до последнего дня жизни продолжаемая, молитва души твердой и чистой, а также образ жизни и расположений: добрый, закону верный, всесторонне определяющийся заповедями Спасителя (QDS 1).

Здесь Климент напоминает о словах Иисуса Христа, Который говорил, что «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11:12).

Климент утверждал, что Христово обращение к богатому юноше «*продай, что имеешь, и раздай нищим*» ни в коем случае нельзя понимать буквально. Сам юноша понимал, что если бы только выполнение закона гарантировало Небесное Царство, то приход Мессии не имел бы никакого смысла. Для Климента очевидно, что

Христос имел в виду не внешний отказ от имени, а внутреннее отвержение той власти, которую имеет богатство над людьми. [2, 25]

Он должен был только (ложные) мнения относительно богатства из своей души выкинуть, алчность и жажду их, беспокоиться о них перестать, устранить со своего пути эти тернии жизни, заглушающие собой семена Слова (QDS 11).

Мы видим, что Климент в духе александрийской школы поощрял понимать слова Христа аллегорически. Анневиз ван ден Гёк, одна из самых лучших современных знатоков наследия Климента Александрийского, подчеркивает, что Климент «акцентирует внимание на использовании здравого смысла. В то же время его интерпретация противопоставляется тем, которые убеждают, что библейская заповедь должна быть понята номинально и интерпретироваться буквально». [6, 72]

В итоге можно сказать, что «обладание богатством для христианина не препятствует спасению, если богатство, к которому он относится равнодушно, будет использовать он во благо». [1] Николай Сомин утверждает, что это сформулированное Климентом утверждение можно разделить на два: «Первое. Само богатство — “ни добро, ни зло”, а “невинное” и, исходя из этого, все дело в том, как относиться к нему». [1] То есть богатство может быть использовано как во благо, так и во зло, но само по себе оно является нейтральной вещью. Н. Сомин говорит, что, согласно Клименту, нужно, чтобы богатством обладал человек, а не богатство владело человеком. Поэтому спастись может только тот богатый,

который «господином состоит над своей собственностью, а не рабом ее» (*QDS* 16). Климент отмечает, что прежде всего нужно служить Богу, а богатство воспринимать как Божий дар, не быть привязанным к нему, уметь без всякого уныния расстаться с ним, оставаться к богатству «хладнокровным». Если же человек будет носить богатство в своей душе, тогда он «запутывается в сетях мира» (*QDS* 17).

Второе «правильное» использование имущества в данном случае понимается как благотворительность. Н. Сомин отмечает, что, по словам Климента, спастись может тот богач, который все время занят добрыми делами.

Итак, для богатых есть возможность спасения, но в то же время Климент напоминает, что бедность не является панацеей от осуждения, ведь «не на внешнем чем-либо утверждается спасение (...), а на душевной добродетели, на вере, надежде и любви» (*QDS* 18). Климент считает, что как богатым, так и бедным может обладать страсть сребролюбия и другие грехи. Поэтому бедность не гарантирует спасения. Бедность достойна похвалы, если она духовна, то есть когда человек стремится к Божьей праведности, а не к земным благам. Климент хотел сказать, что социальный статус не является признаком спасения, как это зачастую было в еврейских общинах, согласно имманентной эсхатологии древних времен веры Авраама, страданий Иова и закона Моисея, но гораздо важнее внутреннее состояние, что подчеркивает апостол Павел (2 Кор. 4:3–18, особ. 16). С точки зрения Климента, делает вывод А. ван ден Гёк, призыв отречься от богатства «относится не столько к фактическому богатству, сколько к стремлению и к чрезмерной привязанности к нему. Внутренняя работа души намного важнее, чем человеческое материальное положение». [6, 75] Климент утверждает что богатство является залогом спасения, только если оно — духовное богатство, то есть внутреннее, а не внешнее. Однако правильное использования внешнего богатства может послужить и для получения внутреннего. А. ван ден Гёк подмечает тот факт, что Климент «настаивает, что богатые люди должны отложить свой эгоизм и потратить свои блага добровольно на благо бедных верующих, которые в свою очередь ходатайствуют перед Богом за своих благодетелей» (ср. *QDS* 27). [6, 75]

Как и бедному, так и богатому для постижения спасения нужно соблюдать заповеди. Наибольшая заповедь, которую дает Иисус, — это любовь. Поэтому Климент призывает выполнять две евангельские заповеди: любить Бога и любить ближнего. В этом контексте раскрывается учение Климента о божественной филантропии, поскольку заповедь любви истекает из самой природы Бога. Климент учит, что ближним является каждый человек, который ждет милосердия. Он подразумевает, что пример такой любви — жизнь и крестная жертва Иисуса Христа.

Потому Он и пришел, потому облекся в человека и именно потому добровольно прожил человеческую жизнь, чтобы, **соразмерясь** со слабостью нас, которых Он полюбил, Он мог бы нам взамен **отмерять** Свою силу (ἵνα πρὸς τὴν ἡμετέραν ἀσθένειαν οὗς ἠγάπησε μετρηθεὶς ἡμᾶς πρὸς τὴν ἑαυτοῦ δύναμιν ἀντιμετρήσῃ). **И готовясь стать жертвой и отдавая Себя на искупление**, Он оставляет нам Новый Завет: “Любовь мою даю вам” (ср. Ин. 13:34) (*QDS* 37 [перев. автора]).

Выражение соизмерения Бога со слабостью человеческой и подаяние человеку взамен Божьей силы, а именно синергия божественной филантропии и человеческой койнонии вошла в историю богословия под названием ἀντίδοσις τῶν ἰδιωμάτων (лат. *communicatio idiomatum*), «обмен свойств (общение свойств)», и стало основным аргументом в IV–V ст. в христологических спорах о совершенном Боге и совершенном человеке в одном лице Иисуса Христа. Но не надо забывать, что главным импульсом к единству Бога и человека всегда считалось божественное человеколюбие, о чем и говорит Климент. Оказывая милосердие ближнему, осуществляя служение церковной, то есть, коллективной койнонии, человек тем самым подражает любви Божией и проявляет свою любовь ко Христу, который сказал: «*Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне*» (Мф. 25:40). Как Бог поступил в отношении к человеку, так и человек должен быть всегда милосердным. Более того, человек должен сам искать тех, которым необходима помощь. Не нужно ждать, пока кто-то попросит милостыню, но идти самому от чистого сердца и оказывать ее (*QDS 33*).

Климент разъясняет понятие «койнонии» и тесно связывает его с Божественной филантропией, тем самым закладывая основы христианского понимания социального служения, которое отличается от иудейской имманентной эсхатологии, **согласно которой** награда за праведную жизнь приходит во время жизни человека, а также отличается от греко-римских традиций покровительства, **согласно которым** попечительство над бедными было **способом придать особое значение своему превосходству над другими**. Напротив, за искреннее служение братьям и сестрам, говорит Климент, Бог наградит человека радостью и любовью и главное — вечной обителью на небесах. Такие взгляды на вопрос койнонии, а также богатства и бедности остаются актуальным и по сегодняшний день, несмотря на то, что в следующие поколения христианства будут разработаны и другие модели, например модель Иоанна Златоуста с его полным отречением от богатства.

Библиография

1. Сомин Н. Климент Александрийский и свт. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/Som_2vzgd.php
2. Сомин М. В. Основні парадигми християнського ставлення до економіко-соціальної сфери // Християнин і світ 1 (2009) с. 22–27.
3. Clemens Alexandrinus. Quis dives salvetur [= QDS]. Bd. 3 // Opera. Ed. Otto Stählin. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte 17. Berlin: Ursula Treu, 1972, S. 159–191.
4. Haas Ch. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997.
5. Classen C.J. Der platonisch-stoische Kanon der Kardinaltugenden bei Philon, Clemens Alexandrinus und Origenes // Kerygma und Logos. Beiträge zu geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979, p. 68–88.

6. Van den Hoek A. Widening the Eye of the Needle: Wealth and Poverty in the Works of Clement of Alexandria // *Wealth and Poverty in the Early Church and Society*. Ed. Holman S.R. Grand Rapids, MI.: Baker Academic; Brookline, Mass.: Holy Cross Orthodox Press, 2008. p. 67–75.